

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М29

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Мартин, Ида
М29   Время. Ветер. Вода / Ида Мартин. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 414 с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-117251-1

Все началось с голубя?
Или, быть может, с разорванных джинсов?
Этого Вита точно не знает.

Однако впервые за шестнадцать лет оставшись на целый месяц без родителей, она вынуждена не только в одиночку противостоять травле одноклассников, но и впустить в свою тихую домашнюю жизнь троих ребят, стремительно вовлекших ее в бурный водоворот событий, тайн и чувств.

Это знакомство, неожиданное путешествие и головокружительная любовь окажутся серьезным испытанием для скромной, доверчивой девушки с прекрасным воображением и открытым сердцем.

© Ида Мартин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Все течет, все меняется. И никто не был
дважды в одной реке.

Ибо через миг и река была не та, и сам
он уже не тот.

Гераклит

Глава 1

Ольга Леонидовна вошла в мою комнату, с интересом оглядела развешанные над кроватью постеры, квадратный стеллаж с мягкими игрушками, письменный стол и узкие белые полки, заставленные книгами. Подошла к зеркалу на комод, заглянула в него и удовлетворенно ре-зюмировала:

— Уютно тут у тебя.

Все это время я тайком разглядывала ее. Высокую, с узким лицом, в длинном темно-синем платье до колен и с тонкими золотыми часами на руке. От нее пахло сладкими благовониями, а светлые волосы, остриженные под каре, лежали безупречно.

Закончив изучать комнату, она опустилась в широкое кресло из гостиной, принесенное сюда специально для нее, и доброжелательно улыбнулась:

— Ну что ж, я готова. А ты?

Я кивнула, собираясь с духом.

— Тебе удобно? — поинтересовалась она.

— Само собой, — я поправила лежащий на коленях ноут. — Это же моя кровать, мне в ней всегда удобно.

— Надеюсь, ты будешь со мной достаточно откровенна и подробно расскажешь все, что случилось.

— Да, конечно, хотя я все уже рассказывала маме.

— Мама — это мама, — Ольга Леонидовна заговорила подмигнула, — а я — это я. Со мной ты можешь не стесняться. Поверь, я хочу помочь. И давай заранее дого-

воримся: если вдруг не захочешь о чем-то говорить, просто скажи об этом, и я не стану тебя мучить.

Дверь в комнату медленно приоткрылась, и мама торжественно внесла поднос со стаканами, графином с водой и большой миской фруктов.

— Это чтобы вы не умерли с голоду, — поставив поднос на тумбочку, она поцеловала меня в щеку. — Расслабься, все будет хорошо. Просто будь собой.

Я проводила ее взглядом.

— Не знаю, с чего начать, — сказала я в ответ на молчаливый вопрос в глазах Ольги Леонидовны. — С потопа? Или с самой поездки? Или лучше с голубя?

— Не нужно торопиться, — она ободряюще покивала. — Давай по порядку. С самого начала. Так, как у тебя записано. А если вдруг будет что-то непонятно, я спрошу.

— Хорошо, — я раскрыла экран. — Только это надолго.

— Без проблем. Я полностью в твоём распоряжении.

С Викой мы познакомились в середине марта, а к маю она уже исчезла из моей жизни навсегда. Все произошло очень быстро, но тот отрезок времени показался мне вечностью.

Порой я пытаюсь представить, как бы все сложилось, не встретить я ее, но это никогда толком не получается, потому что без Вики ничего бы не случилось. Совсем ничего из того, что есть сейчас. А я слишком дорожу этим, чтобы запросто вычеркнуть из своей памяти. Просто Вика была Викой, и винить ее — все равно что упрекать дождь в том, что ты промок, забыв дома зонт.

И все-таки все началось с голубя.

За окном в палисаднике ветер нещадно трепал тонкие ветви кустов, забирался за воротник торопливых прохожих, гнал густые чернильные облака. И они то сиротливо

сбивались вместе безвольным табуном, то испуганно шархались в стороны, открывая далекий бледно-розовый просвет. Чистый и манящий, как мои смутные ожидания чего-то необъяснимого.

— Вода — лучший растворитель полярных веществ. Для которых, как вы знаете, характерны высокая диэлектрическая проницаемость, повышенная температура кипения и плавления, — каждое свое слово Марина Олеговна отбивала ритмичным ударом указательного пальца о нашу парту. — Молекула растворяемого вещества окружается молекулами воды.

Батареи топили по полной, и жара в классе стояла невыносимая. Лишь благодаря приоткрытой створке окна возле учительского стола мы могли хоть как-то дышать.

Из-за этой духоты страшно хотелось спать, и, если бы не чудесное небо, мои глаза давно закрылись бы в дремотном, бессознательном забытии, куда бодрый, но монотонный голос химички уже вряд ли смог проникнуть.

Однако Эля, перед которой то и дело мелькал коралловый маникюр Марины Олеговны, изнывала, не имея возможности даже порисовать в тетрадке. А ведь сама вечно рвалась за первую парту — репутацию зарабатывать.

Вот только с нашими репутациями давно все было ясно. Я — махровая ботаничка, она — полумахровая. Разница в том, что у нее получалось находить общий язык с нашими одноклассниками, а у меня нет. То было давнее, устоявшееся положение, с каждым годом принимающее все более резкую форму обоюдного неприятия. И чем сильнее я отгораживалась от этих типов, тем настырнее они ко мне цеплялись. Эля считала, что я сама даю повод, но объяснить, каким образом, никогда толком не могла.

— Кто помнит, что такое когезия? — Марина Олеговна выжидающе уставилась на нас с Элей.

Еще бы — ее все равно никто, кроме нас, не слушал. Кто спал, а кто довольно громко обсуждал вовсе не химические процессы.

— Это взаимное притяжение молекул, — охотно отозвалась Эля, не вставая.

Именно ради таких моментов она садилась на это место и терпела летающий палец.

— Вита? — Химичка перевела взгляд на меня.

У нее были тонкие прямые волосы и большие круглые глаза.

— Это притяжение атомов и молекул внутри одной фазы. Когезия характеризует прочность тела и его способность противостоять внешнему воздействию.

Я сама не очень понимала, где все это в моей голове хранилось, но при первом же запросе непроизвольно всплывало само собой.

— Уже лучше, — одобрила химичка, перемещаясь наконец к доске и хватаясь за мел.

— Слышь, жирная, — в наступившей тишине издательский голос Дубенко прозвучал на редкость гнусно. — У тебя как с когезией?

Все тут же заржали, и Марина Олеговна строго обернулась. Однако действия ее взгляда хватило на пару секунд.

— Так как насчет прочности тела? — подхватил шутку Зинкевич, как только она вернулась к своей схеме на доске.

Эля тихонько приникла к моему уху:

— Просто улыбнись, сделай веселое лицо, и им будет уже неинтересно.

— Не хочу, — я закрыла уши ладонями.

— Ну и зря, — она осуждающе отстранилась. — Сейчас начнется.

Формально Эля все еще оставалась на моей стороне, хотя я точно знала, что она стыдится нашей дружбы.

— Че за игнор, жирная? — подключился Тарасов.

— Задумалась насчет способности противостоять внешнему воздействию, — встряла Савельева, которая из кожи вон лезла, чтобы выпендриться перед Дубенко и его компанией.

— Давай мы тебя протестируем, — не унимался тот.

— Испытаем, — поддакнул Тарасов.

— У нее теперь без жира прочность уменьшилась, — сострила Савельева.

Сев на своего любимого конька, отказываться от развлечения они не собирались. Я уже два года как не была не то что жирной, а даже толстой или полной. Я была худее Эли и Савельевой, но называть меня так они все равно продолжали, потому что когда-то это расстраивало меня до слез.

Дубенко перевели в десятый класс из-за мамы — сотрудницы районного отделения полиции. Учился он плохо, а вел себя еще хуже. Физически Дубенко был крепким парнем, но на лицо некрасивый: прыщавый, широконосый, с вечно припухшими близко посаженными глазами и низким, хмурым лбом. И все же благодаря авторитету местные девчонки выстраивались в очередь за его вниманием, а Зинкевич и Тарасов изо всех сил старались выслужиться перед ним.

Зинкевич напоминал глупую, беснующуюся и рвущуюся с поводка собаку. Тарасов же особенно поражал отсутствием каких-либо признаков воспитания и интеллекта.

Всеобщий глум на тему меня и когезии разгорался. В спину несколько раз что-то кинули, а обзывательства становились все грубее. Марина Олеговна, как и я, старалась сделать вид, что ничего не происходит.

Внезапно посреди всеобщего веселья створка приоткрытого окна покачнулась, и, шумно хлопая крыльями, в

класс влетел голубь. Девчонки завизжали, парни обрадовались. Голубь сделал круг под потолком, тщетно ткнулся в закрытые окна и благополучно приземлился на высокий книжный шкаф со стеклянными дверями.

Перепугавшись, Марина Олеговна принялась кричать: — Выгоните его, — но, после того как парни с радостным гиканьем бросились к шкафу, тут же завопила: — Отойдите от шкафа! — подбежала к ним, распихала по своим местам и помчалась звать на помощь охранника.

Однако после ее ухода «охота на дичь» возобновилась с новым рвением. Дубенко схватил с парты Исаковой учебник и, не вставая, метнул в голубя; учебник стукнулся о потолок, чуть не сбил светильник и шлепнулся возле двери. Следом Зинкевич кинул ластик, затем ручку. К обстрелу подключились и другие. Голубь забился в самый угол и жался там.

Несколько человек забрались на парты и начали снимать происходящее на камеру. Савельева притащила швабру, залезла на стул и пошуровала по верху шкафа палкой.

Это подействовало. Птица в панике вылетела из угла, заметалась и, с силой врезавшись в стекло, упала под подоконником.

Мы с Элей вскочили, а «охотники» сгрудились вокруг голубя в узком проходе между стеной и крайним рядом возле окна.

— О! Сдох, что ли? — Тарасов потрогал голубя ногой. — Савельева, ты птицу грохнула.

Та потыкала голубя шваброй. Его голова мотнулась в сторону.

— Это не я. Он сам. Больной, наверное.

— Фу-у-у, — гнусаво протянула Исакова. — Больной и заразный.

— Он не больной, — не выдержала я. — Ударился сильно и сознание потерял. Нужно его аккуратно вынести, и он отойдет.

— Сознание потерял! — передразнил Зенкевич мерзким голосом. — У голубя случился обморок!

Они дружно закатились, после чего Дубенко сказал:

— Слышь, жирная, иди сюда, сделай ему искусственное дыхание. Рот в клюв. А хочешь, мы тебе его с собой завернем?

И не успела я и глазом моргнуть, как мой рюкзак, висевший на спинке стула, оказался у них в руках.

— Не нужно, пожалуйста, — я попыталась подойти к ним, но Тарасов, сидевший через две парты от меня, выставил ногу в проход, преграждая дорогу.

Я попробовала перешагнуть, но он поднял ногу выше — так, что я уже чуть ли не сидела на ней. Возбужденные голоса слились в общий хаотичный гомон:

— Ай! Он шевелится.

— Огрей по башке!

— Крыло мешается.

— Толкни сильнее.

— Прекратите его мучить! — Я отчаянно пыталась сдвинуть ногу ехидно ухмыляющегося Тарасова. — Он ведь живой и ему больно!

В этот момент дверь резко распахнулась и сначала в класс ворвалась Марина Олеговна, а за ней охранник. Здоровый парень лет двадцати пяти.

— Вон там, — химичка ткнула пальцем в шкаф, затем перевела взгляд на толпу возле подоконника. — Что вы делаете?

Охранник залез на стул, заглянул на шкаф и развел руками:

— Никого нет.

— А голубь? — растерянно протянула химичка.

— Улетел, — Дубенко махнул рукой. — Сам. В окно.

— Ну слава богу, — Марина Олеговна с облегчением выдохнула. — А то ведь это так неприятно: птица в помещении. Плохая примета.

После ухода охранника все разошлись по местам, одна только я осталась стоять у стены в обнимку со своим рюкзаком, который кто-то впихнул мне в руки.

— Вита, ты что? — подозрительно спросила химичка.

— Можно мне выйти?

— У тебя все хорошо?

Я кивнула.

— Ну выйди.

На мое счастье, охранника на посту не оказалось. Я вышла за ограду и, остановившись чуть в стороне от пешеходной дорожки, там, где под землей проходили трубы теплоцентрали и никогда не лежал снег, развязала туго стянутый узел из веревочек, перевернула рюкзак и аккуратно вытряхнула из него голубя вместе со всем содержимым.

Голубь был живой, но пришибленный. Сжался, нахохлился, помигал блестящим глазом, а когда порыв пронизывающего ветра растрепал перья, медленно доковылял до канализационного люка и уселся там.

Мама называла голубей символом мира, чистоты и надежды. Так в ее детстве их в школе учили, а наша физичка говорила, что голуби — летающие крысы и рассадники заразы. Маме я привыкла верить гораздо больше.

Понюхала внутренности рюкзака. В нем остался запах пыли и птицы. Яблоки пришлось выкинуть, потому что голубь, хоть и символ чистоты, летает по всему городу. Я неспешно собрала свое разбросанное по талой поляне добро. Небо заметно посветлело. Урок заканчивался через

пятнадцать минут, но за ним по расписанию еще четыре, а возвращаться не хотелось.

Прежде я никогда не пропускала школу без уважительной причины, но теперь, когда родители уехали, кто мог меня в этом упрекнуть?

Так что я отправилась бродить по промозглым, хлюпающим серо-коричневой с мелкими солевыми камушками жижей улицам без лишних угрызений совести, хотя на душе и было противно.

В конце девятого класса я хотела уйти в колледж или перейти в другую школу, но мама очень просила немного потерпеть: в этой школе учителя меня знают, любят и обязательно дадут золотую медаль. А на идиотов обращать внимание не стоит, да и через два года они исчезнут из моей жизни навсегда. Однако пережить эти два года оказалось не так-то просто.

Прошатавшись по округе около двух часов и уже мечтая только о горячем чае, я зашла в магазин неподалеку от своего дома. Взяла две слойки с вишней. В обеих кассах стояла очередь по три-четыре человека.

Неподалеку шумно дурачились пацаны из соседней школы и девчонки из параллельного класса. Взбудораженные и целиком поглощенные обществом друг друга, они кидались жвачками со стойки и громко смеялись.

Потом один из парней обнял одну девчонку сзади, она подняла голову, и они стали целоваться. Без какого-либо стеснения или неловкости. Так, словно никого вокруг не существовало.

— Ну чего застряли? — Женщина с огромной тележкой подтолкнула красивую темноглазую девушку, стоявшую за мной, и принялась выгружать на ленту свои продукты.

Оказывается, засмотревшись на компанию, я впала в оцепенение и всех задерживала.

Я положила перед кассиршей булочки и торопливо полезла в рюкзак. Привычно пошарила рукой, но нащупать кошелек не смогла, растянула завязки шире, заглянула внутрь, проверила в боковых карманах.

— Шестьдесят восемь рублей, — объявила кассирша, с укоризной наблюдая за моей возней.

Я перевернула учебники и еще раз ощупала куртку. Кошелек нигде не было. Должно быть, он вытряхнулся вместе с голубем, а я не заметила, когда собирала вещи.

— Что так долго? — возмутилась женщина с тележкой.

Пожилой мужчина позади нее громко и протяжно вздохнул.

Кассирша с укоризной смотрела исподлобья. Отвратительно стыдная ситуация.

— Простите, пожалуйста, — сказала я ей. — Я не буду брать.

— Я уже пробила, — ответила она так, словно я просила подарить мне эти булочки.

— Простите, — повторила я, чтобы она меньше злилась. — Кошелек потеряла.

— Валентина, дай ключи! — крикнула кассирша куда-то в сторону и, переведя на меня тяжелый, осуждающий взгляд, сказала: — В следующий раз голову не потеряй.

Неожиданно стоявшая позади кареглазая девушка удержала меня за руку и положила перед кассиршей сто рублей.

— Не нужно, спасибо, — попыталась отказать я, но она очень тепло и ободряюще улыбнулась:

— Все нормально. Со всеми бывает.

Кассирша недоверчиво посмотрела, но деньги взяла охотно, и уже через минуту я стояла возле стеклянных раз-

движных дверей, дожидаясь, пока девушка закончит со своими покупками.

Я и раньше видела ее в этом магазине и всегда обращала на нее внимание, потому что она была яркой и очень красивой. Одного со мной роста, с расчесанными на прямой пробор чуть выющимися каштановыми волосами, большими ласковыми глазами и пухлыми, тронутыми улыбкой губами. Одета девушка была в темно-зеленую парку с розовым мехом на капюшоне и черные кожаные штаны. Из-под расстегнутой куртки отчетливо выдавалась вперед высокая обтянутая белой водолазкой грудь.

— Спасибо большое! — кинулась я к ней. — Вы меня очень выручили.

— Я сама ужасно рассеянная, — она широко улыбнулась. — Поэтому кошельки не ношу. Только в карманах. Что-то обязательно да завалается.

— Давайте я вам деньги на телефон переведу?

Мы вышли на улицу.

— Пустяки, — она небрежно отмахнулась.

— Нет, правда, мне очень неудобно, что так вышло.

— Ладно, если тебе так спокойнее будет, то записывай, — девушка продиктовала номер, и я быстренько забила его в адресную книгу.

— Вика.

— Что?

— Зовут меня Вика, — пояснила она.

— Забавно, а я Вита.

— Приятно познакомиться, — она по-мальчишески протянула ладонь. — А какое у тебя полное имя?

— Просто Вита, и все.

— Прикольно.

— Это значит — жизнь.

— Еще прикольнее. А я — победа. Тебе куда?

Мы остановились на углу магазина.

Я пожалала плечами:

— Все равно. Я школу прогуливаю.

— Ого! Прогульщица, значит? — Она смешливо прищурилась.

— Нет, что вы. Обычно я так не делаю. Это случайно получилось. Из-за голубя. И кошелек из-за него тоже пропал.

Вика удивленно округлила глаза:

— Тогда пошли в мою сторону. Я тут недалеко живу. Расскажешь, что там с голубем.

И я охотно повернула за ней.

— Мне сегодня одноклассники голубя запихнули в рюкзак, и когда я его доставала, то кошелек и посеяла.

— Серьезно? — Она расхохоталась. Смех у нее оказался громкий и заразительный. — Как же они его поймали?

— К нам в класс залетел.

— И ты на них обиделась? — догадалась она.

— Да. И ушла.

— Это же просто шутка.

— В моем случае нет. Они специально меня доводят и гадости делают.

— Почему?

— Подруга говорит, потому что я чудная.

Вика остановилась и очень серьезно посмотрела:

— А ты чудная?

Именно об этом я и размышляла, пока гуляла под морозящим снего-дождем. Почему к глупой, вечно пахнущей потом и пищащей на руках фразы типа «не сдохнуть» Игнатовой никто не цеплялся? Почему ее просто не замечали, а меня доставали постоянно?

— Я не знаю. Парни, как повыврастали, стали злыми и агрессивными, только и ждут, чтобы докопаться. В основ-